РАССКАЗЫВАЕТ ЖУРАВЛЕВ

РАЗГОВОР о советских чтецах «Неделя» начала очерком об эстрадном мастерстве Игоря Ильинского. Сегодня мы снова обращаемся к театру «одного актера» и представляем вам крупнейшего мастера художественного чтения Дмитрия Журавлева.

—отдает он себе отчет в этом? Не знаю, но именно «Египетские ночи» он выбрал для чтения на юбилейном вечере памяти Евгения Багратионовича Вахтангова в 1958 году. Он читал тогда вторую главу.

«Выступает Дмитрий Николаевич Журавлев, который долгое время был украшением Вахтанговского театра», — объявила артистка Коровина. Второй главе предшествует эпиграф из Державина. С него Дмитрий Николаевич и начал. «Я царь», — объявил он всему собранию, и вдруг его как будто за это плетью хлестнули, он осел весь. «Я раб», — приниженно признался он. Потом еще больше испугался—он понял: «Я червь». Вслед за этим он вырос сразу, освободился совершенно и заявил небу и зрителям: «Я — БОГ», потом объяснил: «Державин» и начал повествование.

Артист никогда не навязывает нам своих характеристик, как и вообще ничего не навязывает. Не торопится сказать: «вот он какой», а идет от противного. Его Чарский сух, колюч, я бы сказал, более неприятен, чем пушкинский. Чтец идет на сознательное заострение образа, чтобы застигнуть нас врасплох, вдруг раскрыть все его внутреннее обаяние, истинно русскую душу. А итальянец? Смешон, нелеп. Вызывает досаду. Но мы опять обмануты. Скоро артист как бы скажет нам: «шутки в сторону», и за нелепой внешностью человека мы увидим огромный внутренний мир таланта.

СРЕДИ САМЫХ значительных работ предвоенных лет—«Кармен» Мериме и «Дама с собачкой». «Никто, пожалуй, не умеет передавать произведения Антона Павловича так, как Дмитрий Николаевич. Он читает их удивительно, именно по-чеховски», —говорила Мария Павловна Чехова. Собственно, Дмитрий Николаевич не читает, он рассказывает. За ним не чувствуется книжки, за ним — сам автор и сама жизнь.

В 1940 году Журавлев уходит из Вахтанговского театра и твердо решает посвятить себя искусству слова. Этому решению способствовали режиссер Е. Б. Гардт и огромное впечатление от искусства А. Я. Закушняка, замечательного советского чтеца, основоположника этого искусства. Можно сказать, что в предвоенные годы окончательно выкристаллизовывается «журавлевский» жанр. На протяжении своей многолетней карьеры он ни разу не воспользовался ни музыкальным сопровождением, ни другой раскраской. Артист верит в силу ничем не прикрашенного слова. Он избегает «монтажей», избегает сокращений. «У большого писателя, вложившего в свое творение огромный труд, не бывает ничего лишнего», — повторяет чтец.

В годы войны Журавлев работает много и горячо. Война связана в его творчестве с именем Толстого — в эти годы рождаются две большие композиции — «Кутузов» и «Андрей Болконский». Иногда приходится слышать, что в войну людям было не до искусства, что, когда говорят пушки, музы молчат. Это не всегда верно. Есть художники, в ком особенно остро развито чувство сегодняшнего дня. Во время войны Журавлев читал по-другому, находил в своем сердце иные краски. Актёры вспоминают, как в Махачкале через день после концерта к Журавлеву подошел немолодой мужчина и сказал: «У меня все погибли в Ленинграде. С тех пор я не сплю. Ночь после вашего концерта я тоже не спал, но уже не так. Я все думал: ведь Толстой прав, жизнь еще не кончена. Старое дерево может снова зазеленеть».

На работах последних лет надо остановиться отдельно. Их немного. Кто-то сказал о большом художнике: теперь уже публика встречает каждое новое произведение писателя не с обычной читательской беспечностью, а с какой-то особенной нежной благодарностью. То же можно сказать о сегодняшнем Журавлеве.

В 1957 году Дмитрий Николаевич выступил с новой программой: «Блок — Маяковский». Еще до войны он писал, что артист, исполняя Маяковского, имеет право нести свою тему и раскрывать через нее поэтическую мысль автора. В новой программе он показал, как это может быть выполнено.

Блоковскую программу можно назвать гимном России. Здесь есть и сказочная Русь, и Русь исконная («На поле Куликовом»), и революционная («Двенадцать»). И все это рисовано журавлевским сердцем — «О Русь моя, жена моя!» — именно эти слова в первую очередь вспоминаются, когда думаешь об этой работе. Особое место в ней занимают «Скифы» — не просто стихотворение в программе, а философский плакат.

Через два года артист подготовил следующую большую программу «Горький — Бабель», а к 1961 году расширяет программу Бабеля, создав отдельный концерт из его рассказов.

И, наконец, совсем недавно Журавлев порадовал нас своей работой в мультфильме «Левша». Он читает текст от автора и один озвучивает все роли, в том числе и самого Левшу, и двух императоров, обнаруживая бездну юмора и великолепное чувство русской сказки. В это же время он готовит две новые программы стихотворений Пушкина.

Читать с эстрады пушкинскую лирику — задача неимоверно трудная. Как, например, решиться исполнить «Я помню чудное мгно-

Д. Н. Журавлев

венье»? Мало того, что весь зал знает этот шедевр наизусть, — он еще связывает его с шедевром Глинки. Дмитрий Николаевич побеждает штамп в восприятии, и с ним соглашаются даже те, кто считает, что исполнение чтецом этих стихов невозможно.

Над «Медным всадником» чтец работает с двадцать восьмого года. В сороковом году он пишет: «Я нахожусь еще у подножия «Медного всадника», а в шестьдесят втором впервые записывает его на магнитофон. «Изобретение магнитофона,—говорит Дмитрий Николаевич, — большое событие в моей жизни. Когда я впервые услышал «Медного всадника», передо мной открылись колоссальные пробелы, и это дало мне допинг для новых поисков». Так трудится Журавлев.

Странное дело! Если перечитывать его репертуар по книжкам, можно натолкнуться на удивительную вещь: звучит эпизод — вы думаете, что он занимает страницу, а на самом деле текст укладывается в пять строк. Артист владеет искусством сценического времени, ухитряясь через ритмы передать нам за пять минут ощущение, если нужно, часа, если нужно,— года, если нужно,— на пять минут задержать мгновение.

ЖУРАВЛЕВ не стремится быть монополистом накопленного им огромного творческого багажа. Его восьмилетняя педагогическая работа в школе-студии МХАТ дала уже большие плоды. Дмитрий Николаевич часто выступает в школах. Эту работу он считает лучшим из того, что делают люди его профессии. Много и горячо говорит он о том, что литературный мир подростков часто бывает обеднен, что Пушкин перед ними не раскрыт. «Мы должны завоевать молодежь для Пушкина»,— говорит он.

Искусство звучащего слова в одном отношении несчастливо: языковый барьер между народами здесь особенно силен. Но и тут за Дмитрием Николаевичем две большие победы. Я говорю о поездках в Чехословакию и Болгарию. Особенно о последней. Выступления проходили в большом концертном зале, всегда переполненном. За много часов до начала в парке сидели зрители. Все с книжечками, на обложках которых можно было прочесть «Египетски нощи», «Пикова дама», «Степ». Эта поездка была большой взаимной радостью для болгарской публики и для артиста.

Расскажу еще интересный эпизод. Недавно после почти тридцатилетнего перерыва Д. Н. Журавлев снова сел за гримировальный стол театра имени Вахтангова. Это случилось, когда заболел исполнитель роли Альтоума в «Турандот». «Сегодня самого настоящего китайского императора Альтоума играет ста-ааа-арый исполнитель этой роли народный артист РСФСР Дмитрий Николаевич Журавлев, чему мы все очень рады!» — весело объявил Тарталья—Гриценко.

Кончая очерк, я не решаюсь подводить итог. И надо ли это делать сейчас, когда артист еще только вступает в лучшую пору своего творчества? Я скажу об одной частности. Мы с Дмитрием Николаевичем подошли к памятнику Пушкину. Прервав беседу, Журавлев подвел меня к памятнику слева и говорит: «Смотрите, какой он с этой стороны грустный. И с каждым нашим шагом становится еще грустнее. Видите, видите? А с этой стороны другой. — Мысль и вопрос. Видите?»

Журавлев наблюдателен и впечатлителен. Каждую минуту он непосредственно связан с природой и с окружающим его миром. Журавлев любит литературу и наравне с ней живопись, но между ним и природой нет ни живописи, ни литературы. И эта непосредственность рождает в его творчестве еще одну удивительную тему — пейзаж. И здесь на первом месте «Осень». С ней артист не расстается во все времена года.

В конце весны, когда близко закрытие сезона, в театрах пустовато. Люди уже ни о чем не способны думать, кроме отдыха. Но журавлевская публика находит время и желание прийти на последний концерт сезона. Появляется Дмитрий Николаевич. Он выходит на эстраду, не неся себя, а всегда быстро. Так люди возвращаются домой, зная, что их заждались желанные гости. После маленькой паузы вы слышите знакомый голос:

Октябрь уж наступил, уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей...

И вы видите уже не артиста, а картину осени, и вам не терпится покинуть город, чтобы скорее перенестись на природу, в подлинную осень «с болотами и журавлями», с их непрерывным криком...

Ю. МОЧАЛОВ.